

Олег Кудрин

Русский Биг-Бен и две его любви

Грустно и больно. Умер Бенедикт Михайлович Сарнов.

Называть его учителем было бы наглостью. Но все же...

Его статьи читал и перечитывал с юности. И даже с детства. Потому что Бенедикт Михайлович умел писать очень просто, понятно и увлекательно о самых сложных вещах (чего я, например, совсем не умею). Человек удивительной честности и толерантности. Критикуя мои статьи и категорически не соглашаясь с какими-то из их положений, он тем не менее делал все, чтобы

В кабинете Б. Сарнова

их улучшить. Или, как он говорил с легкой улыбкой, «Не хочу, чтобы вы выглядели глупее, чем вы есть».

Работа-учеба началась у него благодаря тому, что в «Вопросах литературы» были запланированы мои статьи об авторах одесской школы. Сарнов входил в редколлегию журнала. А его соседка, Нина Николаевна Юргенева (кто не знает, она – вдова Георгия Мунблита, соавтора Евгения Петрова после смерти Ильфа), в свои 90 лет была редактором отдела (в этом журнале ННЮ работала со дня его основания – 1957 года, и лишь недавно ушла на пенсию). Споры наши были, прежде всего, по поводу Катаева и Бабеля-Багрицкого. Творчество неотделимо от жизни, человеческих качеств. Так вот, литературные качества этих трех авторов, несомненно, равно высоки, спорить нечего. А вот что до человеческих, то, упрощенно говоря, Сарнов Бабеля с Багрицким любил, а Катаева – нет. Я же – наоборот. Споры были довольно горячие. Жаль, я тогда не знал об «одесском следе» в истории сарновской семьи.

Феликс Бенедиктович Сарнов:

«Мои бабушки и дедушки родом с Украины. Папин отец Михаил Владимирович Сарнов родился в многодетной семье – пять братьев. Жили они в Златополе, городок на Черкасчине (в последнее время – Кировоградская область. – О. К.). Он поехал учиться в Одесскую консерваторию. Вечерами подрабатывал – играл в кабаке. По окончании учебы, длившейся четыре года, получил грамоту «Почетного потомственного гражданина Российской империи», дававшую право ему и его наследникам проживать вне черты оседлости».

Вообще-то, я давно мечтал познакомиться с Бенедиктом Михайловичем, поработать с ним. И вот после какой-то из презентаций подошел, сказал, что сейчас работаю над книгой «Фон Кихот Готический. Рыцарство и романтизм в нацистской идеологии». Это, по сути, «Гитлер и писатели», а у него многотомник «Сталин и писатели». Если ему интересно, рад был бы дать на прочтение первую главу. Он согласился. Так я впервые оказался в его доме. Место классическое: м. Аэропорт, ул. Черняховского, 4. Тут очень многие писатели живут. Тогда я не знал о том, как Сарновы решали свой квартирный вопрос.

Феликс Сарнов:

«С бабушкой дедушка познакомился уже в Москве. Он сначала работал в Большом театре. Но там хорошо платили только первой, второй скрипке, а ему надо было кормить семью. Дедушка пошел работать настройщиком. Потом-то Сталин зарплаты в Большом театре сильно повысил, но возвращаться было уже поздно. Они жили в Козицком переулке. Шестикомнатная квартира стала коммуналкой. В каждой комнате обитало по 3-5 человек. У папы с родителями комната была целых 20 квадратных метров, окна, правда, во двор-колодец. Но это еще хорошо. У других – и того меньше было.

Когда папа привел жену, стало уже четверо, комнату перегородили шкафом, стали так жить. Потом в доме появился номер пять – это я. А в 1958 году отец получил квартиру от «Литературной газеты», это уже была двухкомнатная квартира на Беговой улице, в одной комнате была наша семья из трех человек, в другой – четыре человека. (Позже в этом доме был знаменитый комиссионный магазин, рядом всегда крутилась фарца.) Там жили до 1962 года. Тогда начал строиться писательский кооператив. Денег у отца хватало только на один первый взнос. А свою комнату на Беговой он сдал государству. Хотя ему говорили, что можно было как-то оставить ее за собой, переписать бабушке. Но он не стал этого делать. Так мы переехали в этот район – метро Аэропорт, но тогда жили не в этом доме, где сейчас с вами. Этот писательский дом Черняховского, 4, – кооператив «Московский писатель». У нас был дом поскромней – ул. Красноармейская, 27, кооператива «Советский писатель». В этом случае получалось, что «Московский писатель» важней «Советского»...»

В первый же приход хозяйка дома Слава Петровна заготовила чая и печенюшек на большом подносе. Но тогда посиделки были не особенно долгие... А вот в следующий раз, когда собрались по поводу одесской школы, и уже втроем с Юргеновой под добродушное ворчание мужа («ну, что ты, зачем столько») хозяйка накрыла целый стол в духе кустодиевских чаепитий. У Юргеновой, кстати, недавно было 90-летие. Потому я принес 10 роз: 9 – имениннице, одну – хозяйке. Все бросили в ванную

с холодной водой. Когда гости уходили, Юргенева наотрез отказалась брать розы. В конце концов, общими усилиями уговорили ее взять одну, оставив 9 хозяйке. Слава Петровна была немного смущена, но все же счастлива – цветы, розы...

Тогда и подумалось, что для Нины Николаевны, при всем ее женском обаянии, соразмерном уму и скорости реакции, главное – работа, спор, истина. А для Славы Петровны – самоощущение супруги, женщины.

Феликс Сарнов:

«Папа с мамой жили и учились, по московским меркам, по соседству. Но познакомились в эвакуации – на Урале, в городе Серове. Моя мама жила тоже в центре – в Воротниковском переулке, вместе со своей мамой. Там сделали квартиры, комнаты на месте графских конюшен. Отец бросил их, когда ей исполнилось семь лет. У них была очень своеобразная семья. Отец – неуравновешенный милиционер. Он заставил ее маму выйти замуж с пистолетом в руках. Сказал: «Или выходишь за меня, или убью и тебя, и себя». Мама родилась в местечке Веркиевка, позже переехали в более крупный город – Нежин. Муж там стал начальником милиции. А уж потом они перебрались в Москву. Отец очень хотел сына. Был уверен, что родится сын, и даже имя придумал – Слава. Не Вячеслав, не Святослав, не Изяслав, а именно Слава. А когда родилась дочь, решение менять не стал. Так маму и записали – Слава Петровна Еремко.

Училась она на Литфаке педагогического института. Это тот, что был им. Ленина, а сейчас МГПУ. Интересная история произошла с ней на распределении. Так получилось, что ее подружки были еврейки, лингвистически одаренные, мечтавшие о науке,

Шуточный коллаж: Сталин и Сарнов

об аспирантуре. А их отправляли работать подальше, в том числе и на Камчатку... Мама страшно заволновалась. Она в науку не хотела, но очень боялась куда-то уезжать, говорила: «Здесь Бен, я от него – никуда!». И вот пришла ее очередь. Преподаватели смотрят ее бумаги, говорят: «Хм-м, замечательно. Да это – аспирантура!». А мама сказала, что не хочет в аспирантуру, ей бы просто в школе поработать. «Да? Замечательно. А где вы живете? Какая у вас там ближайшая школа?..»

И вот мама вышла из комнаты. Подружки – к ней: «Ну что? Ну как? Куда?». Мама ничего им не ответила, просто расплакалась. Конечно, такая разница в отношении объяснялась «борьбой с космополитизмом», которая тогда велась. После этого, кстати, мама устроилась работать на радио. Да, с такой фамилией, если иметь мозги, тогда можно было найти очень неплохую работу.

Когда дружба папы и мамы перешла в роман, то начались проблемы. Слишком уж разные были у них семьи, в том числе и по национальности. Папина семья – еврейская. И не сказать, чтобы ортодоксальные или хотя бы религиозные евреи. Но мамы родители – украинцы. А межнациональные недоразумения в Москве, в стране тогда были довольно сильны. Для бабушки слово «украинец» являлось синонимом слов «махновец», «петлюровец». Мария Филипповна в гражданскую войну «повидала пару пустяков», чудом жива осталась, а многие подружки, родственники погибли. Это уже потом я узнал, что тот же Махно был интернационалистом, и знаменитый Лева Задов у него служил. Да и Петлюра – не антисемит, просто не имел сил, возможностей прекратить погромы... Но тогда обе семьи таким выбором своих чад были недовольны».

Феликс Бенедиктович не избегает сложных тем. Не терпит приукрашательства и самолюбования. Это у него от отца, не боявшегося честно рассуждать на любую тему...

Я подписывал у Сарнова все его вновь выходящие книги. И спрашивал, какая работа будет следующей. Это уже превратилось в ритуал. Соответственно и подписи были традиционные – «Дружески...», «В продолжение разговора...», «Еще в продолжение разговора...», «С благодарностью за интерес к моей работе...».

Но вот на книге, которую он считал главной в своей жизни («Сталин и писатели» в 4-х томах, последний четвертый том, там, где Бабель, и подписал), он сделал надпись, которая для меня дорога, как медаль или орден: «Талантливому человеку – автору текстов, которые я читал с увлечением, даже не соглашаясь с ними. Дружески».

Увлекаться, не соглашаясь; помогать, горячо споря. Вот достойная, истинно вольтеровская позиция, на которую не многие способны! При этом главным для него было ощущение, что собеседник не лукавит, а просто хочет разобраться. Если это честно, то позволительно любое мнение. Ведь разность мнений и составляет источник научной энергии.

Как это ни пафосно звучит, для Сарнова литературоведение действительно было служением литературе. И так – с самой юности.

Феликс Сарнов:

«Папе очень повезло не только с мамой, но и с профессией, делом жизни. Он счастлив был пойти в Литературный институт. Но и там случился скандал, настоящее персональное дело. Папа сдавал зачет по марксизму-ленинизму. Вышел из аудитории, посмотрел на стенку с портретами классиков и сказал: «Вот понаписали, а ты теперь сдавай...». Его, конечно, заложили. И после этого выгнали из комсомола, из института.

А у отца уже лежала статья в «Новом мире», вот-вот должна была выйти. И тут такая история. Сотрудник журнала Борис Яковлев сказал отцу: «Сам понимаешь, так издавать нельзя. Но я скажу Константину Михайловичу (Симонову. – О. К.), может, удастся выпустить под псевдонимом». А через какое-то время опять предлагает встретиться. Говорит: «Поздравляю! Статья пойдет так, под настоящим именем».

Что произошло? Яковлев пришел к Симонову, объяснил ситуацию. Тот посмотрел работу, говорит: «Давай так!». Для него это была мелочь, без особого риска. Если бы начали приставать с распросами, он мог просто ответить: «Мне тут товарищ Сталин поручил срочную работу, а вы пристаёте со своими глупостями!». Вообще, надо сказать, если это не было сопряжено с большим риском, Симонов не упускал возможности сделать доброе дело, помочь кому-то.

После выхода статьи апелляцию отца приняли к рассмотрению. Восстановили в комсомоле. Он тогда сказал: «Я сниму с себя этот выговор». Но руководство опять оказалось недоброжелательно: «Знаете что – вы идите, учитесь. А мы уж сами решим, когда снять с вас этот выговор. И снимать ли вообще!». Пойти на дневное отделение уже не получалось, и отца восстановили на заочном.

А уже разворачивалась борьба с космополитизмом. Работу после института искать было нелегко. И с такой фамилией, и со скандальным пятнышком в биографии. Хоть бери фамилию супруги. Хотя кто надо, все равно все знал – так что бессмысленно. И вдруг отца сами пригласили. Очень вежливо, даже, пожалуй, робко спросили, не согласится ли он пойти в отдел писем журнала «Пионер», с перспективой в скором времени стать завотделом. Это было незадолго до моего рождения (как говорил дедушка, «пополнения семейства»).

От той работы у отца остались юмористические рассказы о письмах «с мест». И как раз когда его уже назначили завотделом литературы, поступило приглашение из «Литературной газеты». Папе трудно было уходить из «Пионера», все же они его поддержали, пригласили в такие непростые времена. Да и карьерный рост. Но «Литературка» – это «Литературка», и она все же перевесила, хотя туда отец пошел простым сотрудником».

Поразительно, но даже в строгие советские времена в статьях, обзорах и очерках его часто называли Бен Сарнов. Вроде и фамильярно, и так не по-советски. Но это казалось нормальным, правильным. Исключительно потому что писавшие искренне чувствовали, что писать следует никак иначе, а именно так, по-свойски, по-дружески.

Феликс Сарнов:

«У папы всегда было много друзей. Когда мы жили на Беговой, были частые застолья. Тут я сидел (потом спал), а тут спорили, выпивали, закусывали. Очень близкими друзьями отца были Лазарь Лазарев, Станислав Рассадин, они вместе выпустили книгу пародий «Липовые аллеи». С Лазарем дружили до самой смерти, а со Стасиком, увы, в какой-то момент раздружились. Был близок

с Володей Корниловым, Александром Бориным. Вообще, с кем работал в «Литературной», с тем и дружил.

Да, всегда старался дать работу Науму Коржавину. Когда тот заходил в редакцию, ему срочно освобождали кабинет, чуть ли не главного редактора газеты. И Коржавин там работал. Еще папа приятельствовал с Юзом Алешковским. Тот всегда был резковат. В 1968 году после известного выхода на Красную площадь Юз сказал фразу, за которую его осуждали: «М...вошек всегда тянуло на Лобковое место!». Алешковский всегда был таким – ради красного словца, шуточки никого не пожалеет. Все эпатажное сразу выплюнет! Хорошим другом отца был Владимир Войнович. Мне кажется, у Войновича папа вообще оставался последним близким другом из их старой компании.

Во время перестройки отец очень сдружился с Аксеновым. До того они были знакомы и даже на «ты», но не друзья. Почему? По разным причинам. Разница в возрасте в пять лет что-то значила. Вкусы во многом расходились. Аксенов – авангардист, как говорили, «левый», отец – более традиционных, консервативных вкусов. И когда за какую-то новую вещь все Аксенова обос...ли, папа заступился. Писатель удивлялся: «Бен Сарнов – правый (в эстетическом смысле. – О. К.), а заступается». К перестройке многое изменилось. Эстетические взгляды сблизились, а уж политические были очень схожи. В Америке Васа очень тепло принимал родителей. И позже я был поражен, как трогательно он представляет отца: «Мой друг Бен Сарнов...». А в Одессе, сыгравшей такую роль в жизни нашего деда, самым близким другом отца был капитан знаменитой команды КВН, а теперь главный редактор журнала «Фонтан» Валерий Хаит».

Когда я говорил Сарнову о его последних книгах (о Солженицыне, об Окуджаве) строго следил, чтобы похвала не показала себя чрезмерной, напирал, в основном, на своевременность. Сарнов оценивал эту умеренность – говорил с легкой иронией и самоиронией: «Ну, что ж, спасибо. Постараюсь и впредь соответствовать вашим ожиданиям». Примерно такую подпись он сделал на книге об Александре Исаевиче, на мой взгляд, недооцененной. И именно сегодня чрезвычайно важной, актуальной.

Феликс Сарнов:

«Феномен Солженицына» обсуждали, но не так широко, как он того заслуживал. Что поделать, клан Солженицына нынче очень силен. Да он и всегда был силен. Не зря же, когда Александр Исаевич жил в эмиграции, сидел в Вермонте, его поместье называли Вермонтский обком.

А потом отец взялся за «Красные бокалы», книгу об Окуджаве, их общем круге друзей и знакомых. Она начиналась как ответвление от очередного тома мемуаров «Скучно не было». Но потом эта тема как-то разрослась. К тому же отца сильно раздражила быковская книга об Окуджаве в серии ЖЗЛ. Там слишком много субъективного, тенденциозного. А то и просто встречается открытое вранье.

*Но я, признаться, эту папину книгу принял настороженно. Почему? Странное ощущение. Просто вспомнил, как Аксенов незадолго до инсульта, от которого он так и не отошел, издал книгу о Роберте Рождественском. Она была такая... немного заказная – семья очень попросила написать. И в ней было только хорошее (очевидно, имеется в виду роман «Таинственная страсть». – **О. К.**). А я опасаясь таких книг, которые пишутся «под занавес».*

Нет, в «Красных бокалах» нет отхождений от правды, просто местами отец обошел сложности. А ведь у них с Окуджавой временами отношения были очень холодные. Тогда люди определялись, делали свой выбор. Но Окуджава не хотел конфронтации, пытался быть и там, и там. А книга в итоге получилась апологетическая. Интересно, что когда я сказал отцу об этом, он засомневался, но, в общем-то, не согласился...»

Все казалось неизменным. Вот и в очередной раз Бенедикт Михайлович сказал (по телефону): «Да вот, решил опять заняться воспоминаниями. Третью книгу готовлю...». Однако на этот раз сам доработать не успел.

На гражданской панихиде Елена Шубина (крупное и – интеллектуально – главное подразделение в издательстве АСТ так и называется: «Редакция Елены Шубиной») сказала, что рукопись готова. По указаниям «Бена» ее дорабатывал сын.

Но вступление «от автора», предоставленное нам Феликсом Бенедиктовичем, – выверено авторское.